

УДК 811.111'37(043.3)

Тур Виталий Викторович

кандидат филологических наук
докторант кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Tur Vitali

PhD in Philology, Post-Doc researcher
of the Department of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
vitaly.tur@gmail.com

**ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКЕ СЛОВА И ЕГО РОЛЬ
В ФОРМИРОВАНИИ СТРУКТУРЫ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ**

**PRAGMATIC COMPONENT IN THE SEMANTICS OF A WORD
AND ITS ROLE IN THE FORMATION OF A WORD MEANING STRUCTURE**

В статье предпринимается попытка раскрыть природу социального значения лексических единиц. Исследование, проведенное на материале словарного описания английских наименований растений, позволяет утверждать о существовании двух различных стратегий словарного описания: в одном случае содержание дефиниции зависит от экспертного решения по поводу включения/исключения тех или иных смысловых компонентов, наиболее адекватно отражающих сущность денотата; во втором случае лексикограф следует за языковым поведением всего языкового сообщества, выявляя степень социальной значимости различных признаков, закрепленных в структуре лексического значения. Выбор одной из стратегий для значения конкретной лексической единицы зависит от охвата языкового сообщества, в рамках которого описываемое наименование представляет прагматический интерес.

Ключевые слова: лексическое значение; структура значения; социальный контекст; прагматическая выделенность компонентов значения; стратегия словарного описания.

The paper examines the semantic structure of dictionary definitions of flowering and fruit-bearing plants in the English language. Two strategies of word meaning representation are revealed: 1) syncretic representation of knowledge in the semantic structure of a word, 2) setting word-sense metonymic boundaries between salient parts of the denotatum, the choice between the two depending on socio-pragmatic factors.

Key words: lexical meaning; structure of lexical meaning; social context; pragmatic salience of meaning components; strategy of lexicographic description.

Два последних десятилетия в лексической семантике характеризуются постепенным смещением фокуса со структур (таксономии, лексические поля и т.д.) на явление салиентности как отражение закономерностей употребления этих структур. Какие элементы структуры являются наиболее значимыми? [1] Салиентность оказывается точкой, в которой пересекаются индивидуальные языковые компетенции и социальное продуцирование речи. Если говорить о лексическом значении, то салиентность является тем социальным компонентом, который определяет прототипическую структуру его смысловых элементов – от ядерных до периферийных.

В большинстве когнитивных теорий выделенность смысловых компонентов отождествляется с частотностью их употребления: чем чаще определенная лингвистическая структура встречается в речи носителей языка, тем более салиентной она становится [2; 3; 4]. Значение, таким образом, присваивается языковому выражению членами языкового сообщества: говоря о значении языкового выражения, мы, как правило, имеем в виду значение, признанное языковым коллективом и составляющее буквальное или словарное значение этого выражения [5, p. 103].

Будучи простым и интуитивно понятным в самом общем виде, феномен салиентности как результат высокой частотности актуализации смысловых компонентов в речи далек от своего детального исследования. Одна из проблем заключается в том, что социальный контекст, следовательно, и салиентность одной и той же языковой единицы могут быть различными для разных носителей языка. Знание, как отмечает П. Бергер, социально распределено, то есть хранится разными индивидуумами и группами индивидуумов по-разному [6, p. 60]. Повседневная жизнь регулируется прагматическими мотивами: «Мои знания в области моей профессиональной деятельности обширные и глубокие, но при этом я обладаю поверхностными знаниями из профессиональной сферы других» (здесь и далее перевод наш – В. Т.) [Там же, p. 57].

Тот факт, что значение слова в конечном итоге является общей смысловой единицей всего языкового коллектива независимо от глубины знаний и профессиональной деятельности разных носителей языка, приводит к предположению о том, что лексическое значение, помимо индивидуального смыслового содержания, обладает некоторой социальной надстройкой, структурой, организующей информацию таким образом, что значимость смысловых компонентов (их ядерный или периферийный статус) оказывается константой величиной для больших групп носителей языка.

В свете сказанного представляет особый интерес концепция П. Герденфорса, согласно которой «социальные значения языковых выражений определяются индивидуальными значениями, т.е. значениями, которые приписывают выражениям отдельные носители языка, а также структурой распределения языковых полномочий, существующей в данном обществе» [7]. Под структурой распределения языковых полномочий (*structure of linguistic power*) понимается определение того, кто в обществе решает, какое значение того или иного выражения является «правильным».

Идея о распределении лингвистических полномочий отчасти близка тому, что Х. Патнэм имеет в виду под «разделением языкового труда» (*the division of linguistic labor*): «Каждое языковое сообщество обладает, по крайней мере, некоторым количеством терминов, признаки которых известны только отдельной группе говорящих, которые ими овладевают, а употребление данных терминов другими людьми зависит от их взаимодействия с представителями соответствующих подгрупп» [8].

Разница между концепциями Х. Патнэма и П. Герденфорса, однако, заключается в том, что последняя включает «разделение языкового труда» лишь как один из двух типов структур распределения языковых полномочий: «олигархическую» и «демократическую». Олигархическая (или диктаторская) структура соответствует концепции Х. Патнэма и предполагает, что значение определяется группой экспертов, составляющих словари, энциклопедии, справочники и т.п. Демократическая структура контролирует ту часть лексикона, значение которого определяется «широким использованием» (*common usage*). Для данных слов характерно то, что «диктатор» или небольшая часть говорящих не могут в одиночку изменить их значение, подобно тому, как один человек не может изменить цены на товары на свободном рынке [7].

Сам П. Герденфорс не приводит результатов каких бы то ни было эмпирических исследований, если не считать отдельных иллюстративных примеров, и оставляет без решения множество возникающих дополнительных вопросов, в частности, вопрос о том, в каком соотношении названные структуры распределения языковых полномочий сосуществуют в лексической системе языка, а также каким образом их дифференциация отражается на семантической структуре разных лексических единиц.

Целью исследования, описываемого в данной статье, является установление наличия или отсутствия корреляции между особенностями словарного представления значения слова и характером социальной значимости его денотата – является ли денотат прагматически релевантным для всего языкового коллектива или оказывается предметом интереса, прежде всего, отдельных групп экспертов в соответствующей области знания.

Особенности структур лексического значения были исследованы нами на материале дефиниций 200 английских наименований цветковых и 100 наименований плодовых растений в семи толковых словарях (*Cambridge English Dictionary* (CED), *Merriam-Webster Dictionary* (MWD), *Collins English Dictionary* (COBUILD), *Oxford learner's dictionaries* (OLD), *Macmillan Dictionary* (MD), *Dictionary.com* (DC), *The Free Dictionary* (FD)). Общий корпус проанализированных словарных значений составил 900 дефиниций наименований цветковых и 879 плодовых растений (с учетом того, что не все наименования растений были представлены во всех семи словарях).

Предметом анализа стала вариативность лексикографических описаний, заключающаяся в том, что в одних случаях растение и его цветок/плод описываются в словаре как отдельные значения (или оттенки значения), а в других – имеет место синкретичное представление семантики, где цветок/плод выступает в качестве признака в структуре единого значения наравне с другими смысловыми компонентами.

Методом оценки сравнительной социальной значимости цветковых растений для культур Великобритании и США стал анализ рейтингов растений, сделанных на основании социологических опросов, результаты которых размещены в открытом доступе в Интернете (наиболее популярные цветы согласно опросу 2000 британцев; наиболее популярные цветы в Великобритании согласно опросу 1000 независимых флористов; наиболее продаваемые срезанные цветы в Великобритании; цветы, наиболее часто запрашиваемые в Интернете американцами и т.д.).

Сопоставление полученных данных позволяет утверждать о наличии очевидной корреляции: чем популярнее цветок среди членов языкового сообщества, тем в большем количестве словарей фиксируется либо 1) методонимическое расщепление значения его наименования по линии «растение – цветок растения», либо 2) описание растения посредством синекдохической профилировкой единственного элемента организма растения – цветка:

1) *Peony* – 1: any of a genus (*Paeonia* of the family *Paeoniaceae*) of chiefly Eurasian plants with large often double flowers, 2: the flower of a peony ‘Пион – 1: род *paeonia* из семейства пионовые с крупными двойными цветками, 2: цветок пиона’ (MWD);

2) *Carnation* – 1: a flower with a sweet smell, often worn as a decoration on formal occasions such as weddings ‘Гвоздика – 1: цветок со сладким запахом, часто используется в качестве украшения на официальных торжествах, например, свадьбах’ (MWD).

Напротив, словарное описание растений, отсутствующих в рейтингах популярности, характеризуется синкретизмом смысловой структуры, в которой все некатегориальные признаки обладают примерно одинаковой степенью значимости и могут как актуализироваться в большом количестве, так и исключаться из дефиниции лексикографом в зависимости от целей словаря. Ср.:

Ornithogalum – 1: a large genus of Old World bulbous herbs (family *Liliaceae*) with basal leaves resembling grass and naked scapes bearing clusters of white, yellow, or greenish flowers with spreading perianth segments and flattened filaments ‘Орнитогалум – 1: род луковичных травянистых растений Старого света (семейство Лилейные) с прикорневыми листьями, напоминающими траву, и голыми стеблями, на которых расположены кластеры белых, желтых или зеленоватых цветков с раскидистыми сегментами околоцветника и приплюснутыми тычиночными нитями’ (MWD);

Ornithogalum – any plant of the genus *Ornithogalum* ‘Птицемлечник – любое растение рода орнитогалум’ (COBUILD; FD).

Как видно, лексикографическое описание растений, отсутствующих в рейтингах популярности, приближается по своей смысловой структуре к энциклопедическим дефинициям, целью которых является наиболее полное раскрытие природы денотата и/или наиболее точное отнесение его к той или иной категории. Напротив, словарное описание растений популярных среди

членов языкового сообщества ставит целью профилирование основных прагматически значимых признаков денотата, что выражается в структурной выделенности отдельных компонентов описываемых значений (метонимическое расщепление и синекдохальные переносы).

Важно также отметить, что в корпусе было зафиксировано 29 наименований растений, цветков которых вовсе не упоминается хотя бы в одном словаре – всего 64 дефиниции для семи словарей. Анализ семантических описаний демонстрирует закономерность, в соответствии с которой полное отсутствие описания цветка сопряжено с наличием в дефиниции информации об иных частях растения, имеющих релевантность для носителей языка. Помимо плодов растения, «затмевающих» значимость цветка в словарях, релевантность могут приобретать и другие его части, используемые человеком, например, корень, листья, семена, ягоды. Данные наблюдения показывают, что, как в случае с разделением семантики на два значения («растение – цветок растения»), так и в случае с отсутствием описания цветка в качестве отдельного признака, фиксируется повышенная социальная значимость описываемых денотатов. Чем большую значимость приобретает сам цветок, тем более высока вероятность его выделения в отдельное значение в словарях. Чем большую значимость приобретает иная часть растения, тем более высока вероятность, что произойдет полное «затемнение» информации о цветке в структуре дефиниции.

Сопоставление случаев метонимического отделения информации о цветке со случаями отделения информации о других частях растения оказывается еще одним ярким подтверждением релевантности прагматического фактора. Сказанное очевидно при сравнении словарного описания наименований цветковых и плодовых растений. Так, метонимическое расщепление по линии «растение – цветок растения» в целом не характерно для описания наименований растений и встречается в дефинициях лишь 24 самых популярных из 200 проанализированных наименований цветков (*rose* ‘роза’, *lily* ‘лилия’, *tulip* ‘тюльпан’, *daffodil* ‘желтый нарцисс’, *orchid* ‘орхидея’, *carnation* ‘гвоздика’, *daisy* ‘маргаритка’, *iris* ‘ирис’, *freesia* ‘фрезия’, *chrysanthemum* ‘хризантема’, *dahlia* ‘георгина’, *peony* ‘пеон’, *phlox* ‘флокс’ и т.д.).

Напротив, что касается лексикографического описания плодовых растений, метонимическое расщепление по линии «растение – плод растения» является, скорее, закономерностью, чем исключением. Показательными в этом плане представляются следующие количественные данные. При определении значений ста наименований плодовых растений в семи словарях 519 толкований относятся к отдельному описанию либо плода или иной прагматически релевантной части растения, либо готового продукта, изготовленного из данного плода. Ср.:

Grape – 1: a smooth-skinned juicy light green or deep red to purplish black berry eaten dried or fresh as a fruit or fermented to produce wine ‘Виноград – 1: сочная ягода с гладкой оболочкой, имеющая цвет от ярко-зеленого до фиолетово-черного, является пищевым продуктом, употребляемым в сыром или сушеном виде или в качестве сырья для виноделия’ (MWD);

Ginger – 1a (1): a thickened pungent aromatic rhizome that is used as a spice and sometimes medicinally ‘Имбирь – 1a (1): утолщенный едкий на вкус ароматный корень, используемый в качестве пряности или иногда в медицинских целях’ (MWD);

Tea – 2: an aromatic beverage prepared from tea leaves by soaking them in boiling water ‘Чай – 2: ‘ароматный напиток, приготовленный из чайных листьев завариваемых в кипятке’ (MWD).

При этом лишь 360 из 879 дефиниций для наименований плодовых растений отдельно описывают само растение. Например: *Avocado – 1: a pulpy green- to purple-skinned nutty-flavored fruit...; also: a tree bearing avocados* ‘Авокадо – 1: мясистый фрукт с кожурой от зеленого до фиолетового цвета с ореховым вкусом...; также: дерево, на котором растут авокадо’.

Исключение составляют лишь некоторые плодовые растения, плод которых выделяется в отдельное значение в меньшем количестве случаев, чем само растение. Сюда относятся случаи, где плод является несъедобным для человека (*myrtle* ‘мирт’) либо наименее распространен среди представителей культур Британии и США (*neem* ‘ним’, *cassava* ‘маниок съедобный’, *jaboticaba* ‘джамбоза памароза’, *madrono* ‘мадронья’, *taro* ‘тарро’, *poni* ‘цитрусолистная моринда’ и т.д.).

Сопоставленные в работе особенности словарного представления семантики цветковых и плодовых растений убедительно демонстрируют закономерность, в соответствии с которой прагматический фактор играет важную роль при определении структуры и границ значения. Как было продемонстрировано в статье, феномен салиентности как социопрагматический компонент значения не является однородным и зависит, в частности, от того, представляет ли данное значение социальную значимость для всего языкового коллектива или для группы экспертов в соответствующей области человеческого знания. Таким образом, можно утверждать о существовании двух различных стратегий словарного описания: в одном случае содержание дефиниции зависит от экспертного решения по поводу включения/исключения тех или иных смысловых компонентов, наиболее адекватно отражающих сущность денотата; во втором случае лексикограф следует за языковым поведением носителей языка, выявляя степени значимости различных признаков, закрепленных в структуре лексического значения.

Полученные нами наблюдения коррелируют с описанной выше теорией П. Герденфорса, согласно которой, как было сказано, социальная надстройка лексического значения может представлять собой два типа структур: олигархическую (значение определяется группой экспертов) и демократическую (за значением закрепляются социально значимые смысловые компоненты, релевантность которых зависит от прагматических установок членов языкового коллектива). Как было продемонстрировано в ходе исследования, обе структуры могут сосуществовать в рамках единой

тематической группы лексики, а выбор одной из них для значения конкретной лексической единицы зависит от охвата языкового сообщества, в рамках которого описываемое наименование представляет прагматический интерес – от узкого круга экспертов до всего языкового коллектива.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Geeraerts, D.* Ten Lectures on Cognitive Sociolinguistics [Электронный ресурс] / D. Geeraerts // Distinguished Lectures in Cognitive Linguistics / ed. Fuyin (Thomas) Li. – 2018. – Vol. 8. – 328 p. – Режим доступа: <https://brill.com/view/title/34202>. – Дата доступа: 12.02.2016.
2. *Langacker, R. W.* Foundations of cognitive grammar / R. W. Langacker. – Stanford, CA : Stanford Univ. Press, 1987. – Vol. 1. – 528 p.
3. *Geeraerts, D.* Words and other wonders: papers on lexical and semantic topics / D. Geeraerts. – Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter; 2006. – 505 p.
4. *Tuggy D.* Ambiguity, polysemy and vagueness / D. Tuggy // Cognitive linguistics. – 1993. – Vol. 4, № 3. – P. 273–290.
5. *Chen, Bo.* Social Constructivism of Language and Meaning / Chen Bo // Croatian Journal of Philosophy. – Vol. XV, № 43. – 2015. – P. 87–113.
6. *Berger, P. L.* The social construction of reality : a Treatise in the Sociology of Knowledge / P. L. Berger, T. Luckmann. – USA : Penguin Books, 1966. – 249 p.
7. *Gärdenfors, P.* Some Tenets of Cognitive Semantics / P. Gärdenfors // Cognitive Semantics: Meaning and cognition / ed.: J. Allwood, P. Gärdenfors. – Amsterdam : John Benjamins Publ., 1999. – P. 19–37.
8. *Putnam, H.* Meaning and Reference / H. Putnam // The Journal of Philosophy. – 1973. – Vol. 70, № 19. – P. 699–711.

Поступила в редакцию 18.02.2021